

ДНЕВНИК
ЛЮДЫ
ОТС

О комсомолке, ученице 11-й школы Свердловского района Люде Отс мы знаем лишь обстоятельства её смерти, приписанные неизвестно кем от руки в конце толстой тетради её дневника, который передал «АиФ» петербургский архив.

Люда поднималась по парадной лестнице - успела пройти 3 ступеньки, когда снаряд разбил стену дома: 5 осколков попали ей в живот, шестой - в грудную клетку. «Сначала отнесли её в контору ЖАКТа, и только потом сообщили матери». И всё.

---

16 ноября 1941 г. Почти год, как я не брала дневника в руки. А этот год... проклятый год. Ничего, кроме несчастий, он не принес нам. Но не буду забегать вперед и постараюсь вспомнить, что было в этот год. (...)

21 июня мы уехали на дачу. В ту же самую Карташевку, к той же хозяйке, но уже в другую, лучшую комнату, и к тому же не одна, а с девочкой с нашего дома, Тamarой С. Комнатка славная, устроились хорошо. А на другой день мы были потрясены: Германия напала на нас! Боже, как это подло, низко! Заключив договор, так вероломно обмануть! Но мы, конечно, не уехали обратно, а остались. И жили мы до 14 июля. За этот срок мы увидели много интересного. Начать с того, что наша деревня стоит вдоль шоссе. И вскоре после объявления войны потянулись по шоссе нескончаемой вереницей танки, орудия, войска... Мы встречали их, кидали им сирень, зеленые ветки. Бойцы радостно махали нам, ловили цветы, улыбались. Как приятно было гулять вдоль шоссе, по которому все ехали и ехали войска. А иногда обозы машин в 40-50 останавливались в деревне. И начиналась суетня. Кому молока, кому хлеба, кому просто воды.

Но это все было недолго. Скоро стали приходиться неутешительные вести, а затем стали проезжать беженцы из-под Луги, Пскова и др. местечек. А вскоре добрались и до нас. (...) И пришлось нам уехать. Жалко было, но и надо. Приехали мы в город. Несколько недель болтались без дела, а потом Клара поступила на курсы медсестер, а я ходила в школу, помогала там. Потом я перешла в райком ВЛКСМ. (...)

В первых числах августа приехал Витя. Он произведен в лейтенанты. Уехал он в Москву, где получил назначение в Волоколамск, а оттуда в Старую Рузу. Писал он нам все время. А теперь, больше м-ца, как нет от него известий. От Коли не получали ничего с мая м-ца. Когда приехал Витя, я несколько дней не ходила в райком. Потом стала ходить все реже, потом совсем перестала. Через несколько дней я стала ходить в школу, где главным образом дежурила. Во время этих дежурств я очень много разговаривала с Женей Баскаковым из восьмого класса. Очень славный мальчишка и единственный (из тех, кого я знаю), который любит театр. Часами, сидя на чердаке школы, мы болтали о книгах, о театре. О себе. Если бы здесь еще была Нэля! А она 8-го августа уехала с семьей в Казань. Перед отъездом я 2 дня провела у нее. Жалко ей было уезжать из любимого Ленинграда. Но мы думали, что все будет в порядке.

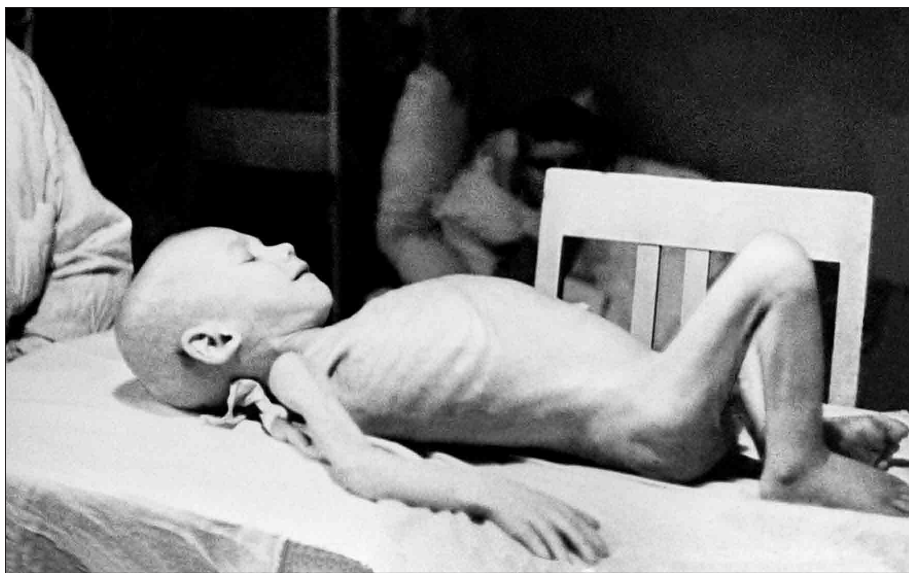
Но ровно через м-ц после ее отъезда, 8 сентября, мы получили «кон-

фетки на первую декаду». (Вначале многое было по карточкам, но были коммерческие магазины, где можно все купить. Нормы большие. Больше, чем достаточно.) Так вот, в этот день нас впервые бомбили. Я как раз дежурила в школе. Вдвоем с Леней И. Мы болтали, а потом услышали, как здорово стреляют из зениток. Мы подошли к окну. Было часа четыре-пять, стоял ясный солнечный день. Снаряды так и сверкали на солнце. Вдруг мы заметили какой-то странный дым, желтый. Мы поднялись на чердак, на крышу. Оттуда мы ясно увидели этот странный дым (это была, как я узнала после, дымовая завеса). А на фоне этого дыма поднималось несколько больших клубов дыма. Сомневаться больше не приходилось: явно это был пожар от бомбежки. С этого началось: частые бомбежки, налеты, жертвы, разрушенные дома. Мало того, враг плотно окружил нас кольцом блокады. Нормы начали снижать и сейчас мы получаем совсем немного. Но ведь чем меньше мы будем получать, тем дольше протянем. Будем надеяться на хороший конец.

Через несколько дней после этого «подарка» я и Клара устроились в госпиталь общественницами, где работаем и сейчас. Школы начали работать 3 ноября. Но мы с Кларой проучились только неделю. Невозможно совмещать учебу с работой в госпитале. А бросить госпиталь, значит остаться без обеда, а это худо. На пустой желудок не много выучишь. И мы с Кларой решили работать, а после войны продолжать учиться. (...)

1 декабря. За эти полмесяца произошло много нового. С 25/XI мы с Кларой работаем в б-ке им. Коминтерна. Получаем с сегодняшнего дня служащие карточки и по 120 руб. жалованья. В эту неделю немец все время обстреливает город из дальнобойных. В дом 19а рядом с нами упал снаряд. У нас вылетели верхние стекла. А вчера мы сидели на работе, и вдруг, как ухнет! Стекла так и посыпались! Попало в здание Кр. Креста, через двор от нашей библиотеки. Жизнь стала тяжелая. Каждый день только хуже и хуже. Правда, наши отобрали Ростов-на-Дону. Молодцы! Но ведь нам от этого не легче. Ленинград в весьма опасном положении. Что-то будет дальше? Неужели придут немцы? (...)

Проклятая война перевернула все вверх дном. Все наши планы и мечты разбились о твердое и жесткое слово: война! Черт возьми, неужели это конец?.. А жить хочется! Нет, мы победим, победим наперекор всем и всему. Мы не погибнем. Мы не можем не победить, потому что... Не все ли равно почему? Победим и точка! Ленинград падет, Москва устоит!

С 20 ноября по 25 декабря 1941 года размер суточного пайка на ребёнка до 12 лет составлял 125 г хлеба, с 25 декабря норма увеличилась до 200 г. Но зачастую хлеб состоял не из муки, иногда на 50% из целлюлозы. Дистрофию называли «ленинградской болезнью».

Фотохроника ТАСС.

Несмотря на чудовищную обстановку, взрослые пытались как-то раскрасить жизнь голодных детей: в каждой детской больнице Новый, 1942 год встретили ёлкой и дополнительным пайком.

Фото РИА Новости.